

С.Я. Надсон

Литературные очерки

1883-1886

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Я. Надсон**
Литературные очерки: 1883-1886 / С.Я. Надсон – М.: Книга по Требованию,
2021. – 248 с.

ISBN 978-5-518-02390-1

ISBN 978-5-518-02390-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЖУРНАЛЬНЫЯ ОБЗРѢНІЯ.

I.

(Мелочи.—Стихотворенія Аксакова).

Не знаю, право, какъ это случается, но стѣбитъ мнѣ на пять минутъ заглянуть за чѣмъ-нибудь въ книжный магазинъ, или даже только остановиться передъ его выставкой, — и я тотчасъ-же дѣлаюсь обладателемъ цѣлой массы книгъ, приобретаю которыя никогда раньше мнѣ и въ голову не приходило. Такъ было со мной и въ послѣдній мой прїѣздъ въ Кіевъ: увидалъ за окномъ магазина только-что вышедшую брошюрку о Буддѣ, зашелъ ее купить, — и увезъ съ собой въ деревню огромный ворохъ печатной бумаги. На этотъ разъ попались все больше поэты: очень ужъ чисто и красиво стали они издаваться въ послѣднее время; я рѣшительно не нашелъ въ себѣ мужества отвѣтить отказомъ на вкрадчивую услужливость приказчика.

Въ деревнѣ, между тѣмъ, за мое недолгое отсутствіе произошли большія перемѣны. Въ первый разъ въ жизни доводится мнѣ встрѣчать весну въ томъ

благословенномъ краѣ, гдѣ «все обильемъ дышитъ, гдѣ рѣки льются чище серебра, гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ, въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора»,—и, надо сознаться, —болѣе красивой, задушевной, нарядной весны мнѣ не приходилось видѣть, хотя я странствовалъ немало. Какіе тѣнистые, уютные уголки образовались въ саду! Какъ мягко заткала узорная, молодая, благоухающая зелень недавніе просвѣты! И на тонахъ и полутонахъ этой зеленой гаммы, то здѣсь, то тамъ, какъ невѣста въ вѣнчальномъ нарядѣ, мелькаетъ, осыпанная кружевомъ цвѣта, струящая томительный аромат черемуха. До книгъ-ли кажется? Какая книга скажетъ столько, сколько говоритъ эта лазурь неба, эта даль полей, эта глушь сада?... Но горожане неисправимы: вдоволь налюбовавшись окружающей меня красотой, я забралъ мое новопріобрѣтенное богатство на любимую скамейку, у пруда, обставленнаго тополями,—и вотъ снова острый, специфическій запахъ печатной бумаги зацекоталъ мое обоняніе.

Скажу два слова о брошюркѣ Шюрэ. Вотъ ея полное заглавіе: *Сакія-Муни(;)древній мудрецъ (легенды о Буддѣ)*, соч. Шюрэ. Не смотря на свой небольшой объемъ (43 страницы), брошюрка очень я очень стѣнитъ вниманія и явилась какъ нельзя болѣе кстати, въ виду интереса къ буддизму, овладѣвшаго въ послѣдніе годы нашимъ обществомъ.

Читателя, желающаго солидно ознакомиться съ

догматической и философской сторонами учения Будды, мы отошлемъ къ другому, болѣе специальному и научному сочиненію по этому вопросу: «*Будда, его жизнь, ученіе и община, соч. Ольденберга, 1884 года*». Шюрэ имѣлъ въ виду другую цѣль: онъ собралъ въ одну полную и яркую картинѹ подлинныя легенды о жизни Будды, главнымъ образомъ обративъ вниманіе на психологическую сторону вопроса,— на то, какимъ образомъ и подѣ влияніемъ какихъ обстоятельствъ сложилась у Сакія-Муни его философія. Небольшое вступленіе знакомитъ читателя съ литературой предмета и выясняетъ культурное значеніе Индіи въ исторіи человѣчества. Затѣмъ идетъ увлекательный, связный рассказъ, пересыпанный перлами народной поэзіи. Интересъ читателя не ослабѣваетъ ни на минуту до послѣдней страницы, и ему становятся понятными слова Гете; приводимыя въ предисловіи: «Хочешь-ли ты весеннихъ цвѣтовъ и плодовъ? Хочешь-ли ты опьяняющихъ благоуханій и питательныхъ яствъ? Хочешь-ли ты, однимъ словомъ, обнять небо и землю?—Я называю тебѣ Сакунталу, и я все этимъ сказалъ». Слова эти вполне примѣнимы и къ тѣмъ легендамъ, па которыхъ построилъ Шюрэ свой рассказъ.

Совсѣмъ другою жизнью,—трезвой, реальной, будничной,—вѣтъ со страницъ недавно вышедшаго *Сборника стихотвореній И. С. Аксакова*. Небольшая, изящно отпечатанная, книжка эта разслана

была подписчикамъ «Руси» по смерти ея редактора. Такъ-называемый «средній читатель», слѣдящій за общественной жизнью по одной, много по двумъ газетамъ, врядъ-ли отдастъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какую роль сыгралъ покойный публицистъ въ исторіи русской культуры и политики. Недавняя смерть Аксакова и вызванный ею нестройный газетный гамъ не очень помогутъ ему ориентироваться,—слишкомъ много подняли они личнаго, мелкаго, специально газетнаго. Если въ обществѣ нашемъ находятся люди, смѣшивающіе направленіе «Руси» съ направленіемъ г. Каткова,—нѣтъ ничего удивительнаго, что найдутся и такіе, которые запишутъ Аксакова въ ряды такъ-называемыхъ «народниковъ». На самомъ дѣлѣ, славянофильство, не всегда ясно ставящее свои идеалы даже для своихъ сторонниковъ, точно маятникъ въ часовомъ механизмѣ, въ однихъ общественныхъ вопросахъ откачивалось направо, въ другихъ—налѣво. Рамки рецензіи не позволяютъ намъ долше остановиться на этомъ вопросѣ, но, къ счастью, это и не является существенно необходимымъ для сужденія объ Аксаковѣ, какъ о поэтѣ: въ лучшей части сборника Аксаковъ является очень мало славянофиломъ,—а мы поставили себѣ задачей останавливать вниманіе читателя, главнымъ образомъ, на положительной сторонѣ разбираемыхъ произведеній.

Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что количество слабыхъ вещи перевѣшиваютъ дѣйствительно

удачныя пьесы. Мистерія «Жизнь чиновника» рѣшительно не выдерживаетъ критики. Юморъ вообще несроденъ таланту Аксакова, а основная мысль мистеріи, по нашему мнѣнію, не стоить поэтической формы. Она заключается въ томъ, что сухой, бумажный бюрократизмъ, не принося никому пользы, только напрасно губить лучшія силы духа тѣхъ, къмъ онъ завладѣваетъ. Мистерія написана тяжелымъ, грубымъ стихомъ и очень растянута. Впрочемъ, недостатки ея нѣсколько извинительны, такъ какъ Аксакову, когда онъ писалъ эту вещь, было только 19 лѣтъ. Неудачной вещью считаемъ мы и другую крупную пьесу сборника: «Зимняя дорога». Авторъ назвалъ ее *licentia poetica*,—вѣроятно, за оригинальную форму, которую онъ ей придалъ. Въ этомъ полуфантастическомъ и несвязномъ произведеніи онъ заставляетъ говорить старій домъ, тарантасъ, двухъ пріятелей, невидимые голоса, и пр. и пр., изъ чего образуется порядочный сумбуръ. Герой пьесы умудряется какъ-то вывести изъ всего этого обычную народно-славянофильскую тенденцію, но выводъ его для читателя является страннымъ и немотивированнымъ. Зато въ третьей крупной вещи сборника, въ поэмѣ «Бродяга», попадаются страницы, написанныя рукой истиннаго художника. Сюжетомъ поэмы служатъ незамысловатыя похожденія нѣкоего Алексѣя, бѣжавшаго изъ роднаго села. Лучшія строки поэмы—описательныя. Аксаковъ рисуетъ природу нѣсколько суховато, но прав-

диво, реально, жизненно. Отрывки изъ поэмы: «Всенощная въ деревнѣ», «Шоссе и проселокъ» и «Ночь» («Жаръ свалилъ, повѣяла прохлада») вошли во всѣ христоматіи. Есть, впрочемъ, и неудачныя мѣста, Вотъ, напр., описаніе наружности героя: *«Что онъ, каковъ? Лицемъ не очень смуглый, ростъ семь вершковъ и подбородокъ круглый; носъ невеликъ; особенныхъ примѣтъ не указалъ бы паспортный билетъ. Темноволосъ; лѣтъ 20; худъ немножко, Матвѣевъ сынъ и звать его Алешка».* Это именно «паспортный билетъ», а не художественное описаніе. Есть въ сборникѣ еще небольшой отдѣлъ—это стихотворенія, написанныя въ селѣ Варваринѣ, куда удалился Аксаковъ въ 78-мъ году, послѣ постигшей его административной кары. Настроеніе его въ этихъ пьесахъ является нѣсколько двойственнымъ. Съ одной стороны, онъ весь еще полонъ увлеченія и пыла недавней борьбы, съ другой—деревенская природа, дружба и покой мало-по-малу завладѣвають уже его душой. Въ этихъ стихотвореніяхъ тоже попадаются недурныя описанія природы. Вотъ одно изъ нихъ: *«Рѣки серебряный извивъ, блестящій въ муравь зеленой; по зыбкимъ скатамъ желтыхъ нивъ бродящей тѣни переливъ и роцей (?) сумракъ отдаленный... Виднѣютъ (?) села... Здѣсь и тамъ сверкаетъ крестъ, бѣлѣтъ храмъ. Куда ты взоръ ни обратишь, какая ширь!... Какая тишь!...»* Но и въ этомъ красивомъ отрывкѣ стихъ нельзя признать безупречнымъ.

Мы переходимъ теперь къ лучшей части сборника,—къ 39-ти лирическимъ стихотвореніямъ, написаннымъ Аксаковымъ въ періодъ отъ 45-го до 60-го годовъ, т. е. къ самымъ молодымъ его произведеніямъ, если не считать неуклюжей мистеріи. Всѣ сильныя стороны таланта Аксакова—горячность, искренность, стремительность—сконцентрированы въ этихъ небольшихъ пьесахъ, дышащихъ иногда чисто-пророческимъ пафосомъ.

При чтеніи ихъ невольно вспоминаются выразительныя строки посланія Я. П. Полонскаго, написаннаго имъ когда-то Аксакову: *«Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый, твой жесткій, безпощадный стихъ, съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой, холодной правдѣ словъ твоихъ. Не внемля шопоту соблазна, строгій гений ведетъ тебя инымъ путемъ туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій, ни примиренія со зломъ»* *). Да, это именно «тяжелый мечъ», поднятый сильною рукой борца. Преобладающимъ мотивомъ аксаковской лирики является призывъ къ труду, негодованіе на праздныя слова, не переходящія въ живое дѣло, горячій упрекъ тѣмъ, кто, не борясь, легко и малодушно мирится со зломъ и неправдой жизни. Это поэзія обличительная и карающая, напоминающая знаменитыя ямбы Барбье. *«Зачѣмъ душа твоя смирна»*, говоритъ Аксаковъ въ

*) Полн. собран. сочин. Я. П. Полонскаго, т. I, стр. 128, 1885 г.

одномъ изъ своихъ стихотвореній: *твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ! Ты возлюбилъ свое бездѣлье и сна душевнаго недугъ!..*» Ты примиряешься съ неправдой, не разрѣшая возмутительныхъ противорѣчій, не разъясняя мглы -вокругъ тебя.... «*Стряхни ярмо благоразумья! Люби ревниво, до безумья, встѣмъ пыломъ дерзостной души! Освободясь въ стремленьи новомъ отъ плѣна ложнаго стыда, позоръ, времи укорнымъ словомъ, подѣмля насъ всевластнымъ зовомъ на тяжесть общаго труда!*» Въ другой пьесѣ поэтъ негодуетъ на тѣхъ, которые «*съ душой мечтательной и тѣломъ полномъвѣснымъ рѣчь умную, но праздную ведутъ*»,—неизвѣстно о чемъ тоскуютъ, неизвѣстно чего желаютъ,—«*о жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ*». О, какъ мнѣ хочется, восклицаетъ онъ, *взамѣнъ ихъ досужей скуки, дать имъ «заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки, и, толки прекратя объ участи людской, работниковъ изъ нихъ составитъ полкъ лихой...*» Жизнью, бодростью, спллой дышетъ отъ этихъ правдивыхъ строкъ. Написанныя тридцать лѣтъ тому назадъ, они пришлись какъ нельзя болѣе кстати въ наше время, въ наши дни унынія, безсилія, общаго страха и лѣни. «*Мысль*», говоритъ поэтъ въ другой пьесѣ, «*не прочь за ужиномъ*» въ роскошно убранной палатѣ, *потосковать о младшемъ братѣ, погорячиться о добрѣ...*» Но... «что-жъ толку въ этомъ?—«Слова слова, одни слова!»